

Балтийский треугольник

Святослав Яров

Святослав Яров
Балтийский треугольник

«Автор»

2023

Яров С.

Балтийский треугольник / С. Яров — «Автор», 2023

В 2019 году компания молодых людей отправляется на поиски подводной лодки, потопленной в 1957 году прадедом одного из них - командиром советского эсминца. Экспедиция увенчалась успехом, но никто из участников даже предположить не мог, что в дело вмешаются наследники "Аненербе", желающие изменить ход истории...

© Яров С., 2023

© Автор, 2023

Святослав Яров

Балтийский треугольник

Инцидент

Форштевень «Степенного» уверенно разрезал встречную волну. Скорость под тридцать узлов – любо-дорого посмотреть! А понадобится, и все тридцать шесть выдаст! Командир эсминца капитан второго ранга Цветков пребывал в прекрасном расположении духа и с видимым удовольствием мерил шагами ходовую рубку, прохаживаясь взад-вперёд. Топчусь, понимаешь, как застоявшийся жеребец, поймал он себя на мысли. Да, собственно говоря, так оно и есть. Жеребец не жеребец, а что застоялся, в смысле, засиделся на берегу, – это факт.

А всё из-за модернизации. Казалось бы, пяти лет не прошло, как «Степенный» сошёл со стапелей – для военного корабля срок не великий – а уже, понимаешь, успел устареть. Вот и простоял почитай два месяца у стенки без движения, пока специалисты оборудовали его новейшей шумопеленгаторной станцией и системой громкоговорящей связи. Кое-какие усовершенствования появились и в машинном отделении. Но главное, малоэффективные, чего уж греха таить, старые бомбомёты были заменены современными, только-только поступившими на вооружение шевтнадцатиствольными реактивно-бомбовыми установками "Смерч", более мощными и дальнобойными. Оснащать корабли военно-техническими новинками – дело нужное, кто бы спорил! – но уж больно устал Цветков от берега, стосковался по морю.

По счастью, любой процесс конечен, и два дня назад работы на корабле наконец-то завершились. Сегодня спозаранку «Степенный» вышел из Балтийска, получив приказ, следовать на полигон боевой подготовки, чтоб опробовать в деле новенькие «Смерчи», а заодно и все прочие усовершенствования. Уже четвёртый час эсминец бороздил воды Балтики...

Настенный громкоговоритель вдруг ожил, и в рубку ворвался встревоженный голос гидроакустика:

– Пеленг 350. Дистанция 11 кабельтовых. Шум винтов. Контакт классифицирую как торпеду... – и торопливо внёс поправку. – Две торпеды. Идут на нас.

Благодушно-расслабленный настрой Цветкова в момент улетучился. Первой его мыслью было: какие, мать вашу, торпеды, когда война двенадцать лет как закончилась?

– Что за...?! – взревел командир эсминца, ошарашенный этим столь же неожиданным, сколь и опасным сюрпризом, что, впрочем, не помешало ему мгновенно отреагировать на внезапно возникшую угрозу – сказался богатый боевой опыт: – Право на борт! – приказал он рулевому и, схватив микрофон, гаркнул в него: – Машинное, самый полный! – Затем бросил через плечо вахтенному: – Боевая тревога!

Рулевой резко переложил штурвал вправо. Оба двигателя начали ощутимо наращивать обороты. Ревун разразился протяжным воем. Уж эта-то «музыка» на корабле всем была хорошо знакома. Она предписывала каждому, немедленно занять своё место согласно боевому расписанию и быть готовым к выполнению любой задачи, поставленной командиром. Палубы и коридоры наполнились топотом множества ног. Люди действовали быстро, чётко и слаженно, демонстрируя великолепную выучку. Вскоре по громкой связи посыпались доклады командиров боевых частей о готовности.

Молодцы! Не напрасно гонял их до седьмого пота, рефлекторно отметил Цветков. Впрочем, как моряк прошедший войну с первого до последнего дня и много чего повидавший, он понимал и другое: сейчас всё зависит от везения, куда больше, чем от выучки экипажа. Корабль на волосок от гибели. Торпеды – дьявол их разберёт, кем выпущенные, – неумолимо приближаются. Дистанция критическая. Времени в обрез – от силы минуты две. По причине

цейтнота эффективное применение средств активной противоторпедной защиты невозможно. Единственная надежда на манёвр уклонения. А значит, или-или. Такие вот пироги с котятами!

Эсминец заметно поднабрал скорости и шёл на пределе возможностей, круто забирая вправо. Однако многотысячетонная махина ста двадцати метров в длину не велосипед – взял да повернул. Цветкову казалось, корабль слишком медлителен, слишком неуклюж, и шансы избежать встречи с торпедами ничтожно малы... Но, в любом случае, всё, что можно предпринять в такой ситуации, уже было сделано, и теперь оставалось только ждать.

Все, кто находился в рубке – командир, вахтенный офицер и рулевой, —напряжённо застыли. Хуже нет, когда от тебя ничего не зависит. Неопределённость угнетала страшно. Время как будто притормозило свой бег. Казалось, что секунды тянутся бесконечно долго.

– Торпеды прошли мимо, товарищ капитан второго ранга, – доложил наконец акустик. – Шум винтов удаляется по корме.

Цветков с облегчением выдохнул, отёр носовым платком выступивший на лбу пот и отдал необходимые распоряжения:

– Машинное, средний ход! Всем БЧ готовность номер один!

После чего отложил микрофон в сторону и крепко задумался. Подумать было о чём. Произошедшее порождало чёртову уйму вопросов. Сейчас пятьдесят седьмой, а не какой-нибудь сорок третий! В чём причина нападения? Что за неведомая субмарина так нагло атаковала? Да и вообще, кому это нужно? Мы и без того с западом на ножах. Так и третью мировую спровоцировать недолго! Ладно, что, зачем и почему, потом будем разбираться. Бесспорно одно – оставлять нападение безнаказанным нельзя: задета честь Краснознамённого Балтийского флота, да и вообще... В подобных обстоятельствах командир корабля ждать указаний из Балтийска не обязан и волен действовать по своему усмотрению. Хотя, проинформировать руководство всё же придётся: ЧП как-никак.

Он обернулся к вахтенному офицеру, молоденькому лейтенанту.

– Срочно доложи дежурному по штабу флота: «Атакован неизвестной подводной лодкой. Повреждений не имею. Начинаю поиск и преследование противника». И укажи наши координаты. Исполнять!

– Есть исполнять!

Вахтенный сломя голову кинулся в радиорубку, а Цветков снова взял в руки микрофон.

– Акустик, что слышно?

– Пока ничего, товарищ командир, – был ответ.

Только теперь Цветков сообразил, что искажённый динамиком голос принадлежит главстаршине Ферапонтову. Ну да, точно. Вероятно, сегодня он – вахтенный гидроакустик. Вот же хрень! – чертыхнулся про себя каперанг. Всем хороша система ГГС, но голос уродует – не сразу поймёшь, с кем говоришь.

– Ферапонтов, найди мне эту гниду! – в нарушение всех и всяческих уставов совсем не начальственно попросил он акустика.

– Найду, товарищ командир, – уверил его главстаршина.

Этот, если пообещал, расшибётся, но сделает. Чего уж скромничать, лучший акустик в дивизионе. Вот и сейчас, считай, спас корабль. Что позновато торпеды засёк, так тут его вины нет. Похоже, поджидала нас в засаде какая-нибудь подлодка из малолетних – этакая «тихушница». Подпустила поближе, дала торпедный залп и, пока мы циркуляцию выписывали, тихо снялась и тихо ушла. Ну да ничего, у Ферапонтова слух тонкий – уловит.

Однако субмарина никак не проявляла себя. Время шло, но как ни старался акустик, долго не мог её нащупать. Наконец, из громкоговорителя донёсся голос Ферапонтова:

– Есть контакт с целью. Пеленг 343. Дистанция 26. По классификации малая подводная лодка. Сопровождаю...

– Никуда ты от нас не денешься, голуба... – едва слышно промурлыкал Цветков себе под нос и уже во весь голос объявил: – Курс 338. Скорость 25 узлов.

Началось преследование. По ходу дела акустик исправно передавал пеленг и дистанцию до цели:

– Пеленг 342. Дистанция 25... Пеленг 341. Дистанция 24... Не меньше двенадцати узлов идёт... – поделился он своими соображениями: – На Готланд она курс держит, товарищ командир.

Понятное дело, мысленно согласился с его выводами Цветков. После неудавшейся атаки на эсминец, оставаться в нейтральных водах этой непонятно чьей субмарине резона нет. Её командир, поди, не дурак, понимает, рано или поздно лодку мы по-любому обнаружим и вдребезги разнесём. А на Готланде полно мест, где можно зашхериться и отсидеться. Опять же, движение там довольно оживлённое, и по пути наверняка попадутся торговые суда. Стало быть, есть шанс воспользоваться каким-нибудь из них, как ширмой. Так что, постараться улизнуть в территориальные воды Швеции – в сложившихся обстоятельствах решение единственно правильное. Скандинавы, конечно, незваных гостей не жалуют, но у них не флот, а так, одно название: пара эсминцев и десяток сторожевиков, да и те – старьё. Мимо таких проскользнуть – раз плюнуть...

Рассуждая таким образом, Цветков не отрывал глаз от карты и одновременно производил в уме нехитрые подсчёты. Людям несведущим может показаться, что нагнать подводную лодку для эсминца, у которого скорость вдвое с гаком, не проблема, минут тридцати-сорока будет более чем достаточно. Увы, в реальности столь примитивная математика не работает. Минут час. Перевалил за половину второй. Подлодка изворачивалась, ловчила, резко меняла курс, скорость и глубину, чтоб сбить преследователей со следа. Один раз, как и предвидел Цветков, поднырнула под норвежский танкер и, как рыба-прилипала, пристроившись под днищем и прикрываясь шумом винтов нефтевоза, прошла полторы мили его курсом. Но никакие уловки не сработали: Ферапонтов вцепился в неё мертвой хваткой и расстояние между противниками неуклонно сокращалось.

В ходовую рубку поднялся заместитель по политической части Кудрявцев, который хоть и был свободен от вахты, но в стороне от грядущих событий оставаться не желал. После очередного доклада акустика «Пеленг 328. Дистанция 10», корабельный политработник заметил:

– Противник в досягаемости наших огневых средств, товарищ командир. –И с присущим ему по должности митинговым пафосом предложил: – Пора нанести удар по империалистическому агрессору!

Цветкову не впервой было выслушивать от Кудрявцева подобные благоглупости. Замполит не из флотских – с военно-морской службой его роднили разве что погоны. Выдвигенец обкома. Поговаривали, он – зять какой-то важной шишки в Калининграде. На «Степennyй» попал около года назад. До этого карьеру делал исключительно по партийной линии и исключительно на суше.

– Неплохая идея! – с самым невозмутимым видом отреагировал каперанг на слова своего заместителя. – Долбануть сейчас из РБУ – самое то! Не знаю, как насчёт подлодки – накроем ли...

Он прервался, проводил взглядом контейнеровоз, с которым они недавно разминулись, потом приложил к глазам бинокль и обвёл горизонт, где маячили силуэты ещё двух торговых судов, после чего закончил с той же ироничной манерой:

– Зато, есть вероятность, что какая-нибудь наша бомба случайно ляжет на палубу иностранного, скажем, сухогруза. То-то его капитан будет рад!

Чья уж то была заслуга отца с матерью или не больно-то весёлой советской действительности, прародительницы массы непревзойдённых анекдотов, но чувством юмора Цветков обде-

лён не был и не постеснялся его проявить даже в такой, прямо сказать, не самый подходящий момент.

Впрочем, Кудрявцев и сам уже понял, что погорячился, и деланно закашлялся, пытаясь разрядить неловкую ситуацию. Надо отдать должное командиру эсминца. Будучи не в восторге от навязанного ему замполита, но исходя из рационального соображения, что могло быть и хуже, Цветков старался поддерживать с ним прохладно-отстранённые, то есть сугубо служебные отношения. По той же причине обычно делал вид, что не замечает ляпов и явных промахов замполита, демонстрировавших полную его некомпетентность в ряде вопросов. Но то обычно, а нынешняя ситуация от обычной несколько отличалась: каких-то два часа назад эсминец подвергся, хоть и безуспешной, но смертельно опасной атаке какой-то субмарины. Это не игрушки! Посему, сегодня Цветков был к своему заму беспощаден.

– Позволю себе напомнить вам, товарищ капитан третьего ранга, что сейчас не война, а мирное время, и мы находимся в зоне интенсивного судоходства! – перейдя на серьёзный тон, принялся он растолковать замполиту прописные в общем-то истины: – Тот факт, что мы преследуем недавно атаковавшего нас противника – ещё не повод подвергать опасности оказавшиеся поблизости гражданские суда. Так что, за империалистическим агрессором придётся ещё немного побегать, прежде чем мы сможем по нему ударить без ущерба для посторонних.

Замполит окончательно стусевался и насуплено помалкивал, стоя по правую руку от командира эсминца. А тот переключился на изучение лоции. Лишь через полчаса, когда торговые маршруты остались позади, и в пределах видимости не было ни одного лишнего судна, Цветков решил, что приличия соблюдены и подходящий для уничтожения таинственного подводного недруга момент наступил, тем более, что шведские территориальные воды уже довольно близко. Тянуть дольше чревато последствиями: во избежание международных осложнений закончить всё надлежало в водах нейтральных.

– Вот теперь самое время поквитаться! – безапелляционно изрёк Цветков, как бы отвечая на ранее озвученное предложение замполита, насчёт нанесения удара, и, взявши микрофон, вызвал: – Командир БЧ-3!

– На связи, – откликнулся динамик ГГС.

– Обе РБУ к бою! Пеленг 293. Дистанция 7. Заданная глубина... – Цветков быстро сверился с картой глубин. – ...30.

– Принято.

– Огонь по готовности.

– Есть огонь по готовности! – подтвердил получение приказа командир БЧ-3.

Ожидание оказалось недолгим. РБУ располагались по обеим сторонам и чуть позади носовой зенитной установки. Ходовая рубка возвышалась над прочими надстройками, и оттуда отлично видно было, как разом дружно принялись за дело оба «Смерча». Полыхая пламенем, окутавшись клубами белесоватого дыма, они начали то поодиночке, то парами изрыгать из себя глубинные бомбы и отправлять их по назначению. На какое-то время воздух наполнился характерным терзающим барабанным перепонки воем реактивных снарядов. Да, дважды по шестнадцать стволов – это сильно! – подумалось Цветкову, восхищённо наблюдавшему за работой «Смерчей». Зрелище и впрямь впечатляло. Командир эсминца, обладавший отменным зрением, и без помощи оптики видел, как почти в миле впереди, практически прямо по курсу эсминца, бомбы падали в море, словно ковром покрывая участок, где предположительно в эти минуты находилась вражеская – а какая же ещё: друзья, небось, торпедами по нам не шарахнули бы! – подлодка. Чуть погода беззвучно взметнулось вверх три с лишним десятка высоченных столбов воды, и с секундной задержкой донесся приглушённый расстоянием грохот серии взрывов.

– Застопорить ход! – скомандовал Цветков и прильнул к окулярам бинокля, внимательно озирая поверхность моря, в надежде заметить признаки попадания. Но нет. Ничего – ни мас-

ляного пятна, ни всплывших предметов. Не факт, что промазали – подождём, приободрил себя Цветков.

– Акустик, что у тебя? – запросил он Филимонова.

– Тишина, товарищ командир, – был ответ.

– Хотелось бы верить, что мёртвая... – буркнул кавторанг, ни к кому не обращаясь, и напутствовал акустика: – Продолжай слушать!

Сам же тем временем переключился на замполита, по-прежнему находившегося в рубке:

– А вас я попрошу организовать непрерывное визуальное наблюдение за морем!

– Есть организовать наблюдение! – Козырнул тот и спешно отправился выполнять поручение.

– На траверзе эсминец типа «Эреншёльд». Идёт на сближение, – сообщил вахтенный офицер.

– Вот и шведы подтянулись! – Усмехнулся Цветков, посмотрев в указанном направлении, и небрежно заметил: – Не иначе, соседей любопытство одолело... Пусть себе тешатся. До тервод Швеции ещё мили три, не меньше. Мы в своём праве. Пока до конца с подлодкой не разберёмся, не уйдём. Но ты, поглядывай, лейтенант, мало ли что.

Время шло. Акустик слушал глубину. Выделенные наблюдатели продолжали осматривать море в надежде обнаружить-таки следы потопления чужой субмарины. Но пока всё их усилия были тщетны. Единственным изменением в окружающем пейзаже стало то, что «швед», на борту которого была крупно выведена белым цифра «11», подошёл поближе и лег в дрейф в полутора милях от «Степенного». И теперь оба эсминца поплавками покачивались – а волнение, к слову сказать, заметно усилилось, – на виду друг у друга. О чём, вкупе с докладом о произведённом бомбометании, было доведено до сведения дежурного по штабу Балтфлота.

– Товарищ капитан второго ранга, разрешите обратиться! – послышалось сзади.

Цветков обернулся. В дверях застыл на вытяжку старший радист.

– Обращайтесь!

– Срочная радиограмма за подписью комфлота, – отрапортовал радист и протянул сложенный в двое листок.

После того, как Цветков быстро пробежал глазами текст, на лицо его напозла тень разочарования.

– Свободен. – Отпустил он радиста и громогласно объявил по ГГС: – Всем БЧ отбой боевой тревоги! Возвращаемся в базу!

Последние слова адресовалось рулевому.

Пришвартовались в Балтийске уже в сумерках. Едва Цветков сошёл на берег, как к нему подскочил офицер-штабник.

– Товарищ капитан второго ранга, мне приказано немедленно вас доставить к командующему флотом! – сообщил, отдав честь, присланный по его душу капитан-лейтенант.

Цветков, изрядно измотанный тревожениями сегодняшнего дня, в ответ тоже приложил руку к фуражке и устало кивнул:

– Раз приказано, так доставляйте.

Они сели в стоявшую тут же, чуть поодаль, знакомую здесь каждому моряку новенькую адмиральскую «Победу» и отправились в Калининград, где находился штаб флота. Путь не близкий. Ехали часа полтора. До места добрались, когда окончательно стемнело. Несмотря на довольно поздний час едва ли не в трети окон здания штаба горел свет. Командующий Балтийским флотом Головкин встретил Цветкова радушно:

– Ну, здравствуй, лейтенант! – выйдя из-за стола и пожимая кавторангу руку, с улыбкой приветствовал его адмирал. – Давненько не виделись.

Знакомы они были ещё с тех времён, когда Головкин командовал Северным флотом. Начало службы Цветкова практически совпало с началом войны. По окончании военно-морского училища он попал на «Гремячий», участвовал в проводке Арктических конвоев, в сорок третьем отличился, и в марте, как раз, когда эскадренному миноносцу «Гремячий» было присвоено почётное звание «гвардейского», Головкин лично вручил тогда ещё лейтенанту Цветкову орден Красной Звезды. Адмирал молодого офицера запомнил. К слову, пути их после этого не раз пересекались. Так уж вышло, что после войны обоим судьба забросила на Балтику и, опять же, Головкин, но уже в качестве командующего Балтийским флотом, назначал Цветкова сперва старпомом, а позже и командиром «Степенного». И неважно, что лейтенант превратился в капитана второго ранга, что к Красной Звезде, прибавилась ещё одна и орден Отечественной войны первой степени, при встрече – разумеется, в отсутствие посторонних, – адмирал неизменно величал его лейтенантом.

– Здравия желаю, товарищ адмирал! – ответил Цветков. – Разрешите доложить!

Головкин поморщился, как бы отвергая официоз, и жестом предложил кавторангу приступить за стол для совещаний, на котором, как успел заметить Цветков, стояла бутылка «Ара-рата» и пара рюмок.

– Давай-ка мы с тобой, Василий Васильевич, сперва выпьем! – произнёс комфлота, наполняя рюмки коньяком.

Одну он протянул Цветкову, вторую взял сам. Запанибрата они никогда не были, но отказывать командующему в такой малости, как пригубить рюмочку, право слово, не стоило.

– За что пьём, товарищ адмирал? – поинтересовался капитан первого ранга.

– Ну, хотя бы, за то, что ты эсминец не угробил, – ответил Головкин.

Что да, то да, согласился с ним Цветков, хоть и осознавал, что в сегодняшнем чудесном спасении корабля его роль не столь уж и значительна – всего-то сделал то, что должно было сделать. Остальное чистое везение. Ну, может, ещё и заслуга тех горе-подводников, которые из засады да с близкой дистанции, таки, ухитрились не попасть в такую немелкую мишень, как «Степennyй». Вернее всего, опыта и выдержки не хватило – нервишки не выдержали, поторопились. Ведь, подпустили они эсминец ещё на пару кабельтовых, и хана кораблю. Тут уж никакое уклонение не выручило бы. Вот о чём он подумал в эту минуту, но промолчал, решил, что Головкин – с его-то опытом! – в подобных объяснениях не нуждается, потому как всё это сам проходил. Они чокнулись и выпили. Приятное тепло разлилось в груди.

– Вот теперь рассказывай! – велел комфлота, отставив рюмку в сторону.

Цветков в подробностях описал события прошедшего дня. Адмирал слушал, не перебивая. Заканчивая доклад, Василий Васильевич невольно вновь испытал чувствительный удар по самолюбию от того, что довести дело до конца ему так и не удалось, вернее, ему этого не позволили... Он терпеть не мог, проигрывать, и тот факт, что сегодняшняя многочасовая погоня закончилась безрезультатно, вызывал у закалённого в боях офицера чувство острой досады. Цветков почти не сомневался, если бы его не одёрнули, лодку, как говорится, живую или мёртвую, он непременно обнаружил бы и при необходимости добил.

– Эх, дали бы вы мне, товарищ адмирал, ещё часок-другой, я б её на блюдечке преподнёс в лучшем виде! – с плохо скрытым упреком выплеснул наболевшее командир эсминца.

Головкин понимающе кивнул.

– Будь моя воля, я бы дал. Только вот моего мнения никто не спрашивал, – посетовал комфлота и неожиданно разоткровенничался: – Не доложить об инциденте в Москву я не мог. Думал, примут к сведению и будут ждать, чем кончится. Так нет. Через два часа, как гром среди ясного неба: немедленно всё прекратить, эсминец вернуть в базу.

Цветков в недоумении уставился на адмирала. Вопрос «почему?» готов был вот-вот сорваться с языка каперанга, но Головкин предварил его ответом.

– Мне растолковали, что сегодня День шведского флага. Национальный праздник. Шведы, видишь ли, ежегодно его отмечают как раз 6 июня. Наше политическое руководство и лично Никита Сергеевич... – имя и отчество Первого секретаря ЦК КПСС он произнёс без должного пиетета, скорее даже с некоторым пренебрежением, – ...заинтересованы в установлении более тесных экономических, научно-технических и культурных связей со скандинавскими странами. В настоящее время обсуждается вопрос о визите товарища Хрущёва в Швецию, а тут такое! У людей праздник, а вы... ну, то есть, мы... затеяли что-то вроде боевых действий непонятно с кем в непосредственной близости от границ потенциально дружественного государства! Хочешь не хочешь, а вляпался ты в большую политику! – невесело ухмыльнулся Головкин и проложил: – Наверху есть мнение, что цель сегодняшнего инцидента – воспрепятствовать налаживанию отношений между СССР и странами северной Европы, не присоединившимися к НАТО. Кто бы не стоял за этой провокацией, ситуация чревата международными осложнениями. Что нам, что шведам проблемы с разбирательством нужны сейчас, как рыбе зонтик. Ну и наши «чичерины» вроде бы по дипломатической линии уже всё утрясли и совместно со шведами решили, что эта история с непонятно чьей подлодкой не должна получить огласки.

Чувствовалось, адмиралу всякие там политические игрища не по нраву, да только плетью обуха не перешибёшь – указивка спущена с самого верха.

– Слушай и запоминай! – перейдя на официальный тон, жёстко изрёк Головкин. – Никакой торпедной атаки на «Степennyй» не было. Никакой погони не было. И возле Готланда тебя не было. А вот что было, так это – плановые стрельбы на полигоне боевой подготовки. Всё понял?

– Так точно! – подтвердил Цветков.

– Вот и ладно. С личным составом проведи разъяснительную работу, чтоб помалкивали...

Огромные напольные часы, стоявшие в углу, глухо пробили один раз. Цветков покосился на циферблат. Полдвенадцатого. Командующий проследил за его взглядом.

– Поздненько уже, однако, – заметил он и предложил: – Ну что, по стремянной и до дому до хаты!

– По какой стремянной? – не понял Цветков.

– По стремянной чарке, – уточнил Головкин, вновь наполняя рюмки коньяком. – Неужто, не слышал о такой?

Каперанг отрицательно помотал головой.

– Ты откуда родом? – поинтересовался адмирал.

– Псковский, – ответил Цветков.

– Ну, ясно! Откуда ж тебе знать! А я – из терских казаков, – пояснил Головкин. – У нас, когда провожаешь гостя, положено выпить чарку перед тем, как он поставит ногу в стремя. Вот эта чарка и есть стремянная. – Улыбнулся Головкин, протянув ему рюмку...

Не то чтобы Василий Васильевич позабыл об инциденте, произошедшем 6 июня неподалёку от Готланда, но, в точности следуя распоряжению комфлота, честно старался о погоне за неизвестной субмариной и непонятно даже успешном или не очень бомбометании лишний раз не вспоминать, и уж тем более никому о нём не рассказывал. Однако обстоятельства сложились таким образом, что Цветкову о том случае напомни там и тогда, где и когда он этого меньше всего ожидал.

Через год с небольшим после описанных событий эсминец Краснознамённого Балтийского флота «Степennyй» прибыл с дружественным визитом в Хельсинки. Наверняка целесообразность подобного шага была продиктована соображениями политического свойства, но Цветкова в нюансы никто не посвящал, да они его и не интересовали. Как человек военный, он

просто взял под козырёк. Приказано – исполним! И 7 августа 1958 года вверенный ему боевой корабль во всей своей грозной красе встал на рейде столицы Финляндии.

Понимая во внимание то обстоятельство, что военно-морской флот СССР – отнюдь не то же самое, что Российский императорский, и советские офицеры Морского кадетского корпуса не заканчивали, а, следовательно, иностранными языками едва ли владеют, финны проявили разумную предупредительность. Перво-наперво они ещё до начала любых мероприятий, связанных с визитом «Степенного», прислали на эсминец переводчика, вернее облачённую в военную форму переводчицу сержанта Кейсу Карьялайнен. Острые на язык матросы моментально окрестили рослую, светловолосую, мужеподобную девушку в форме сержанта «девушкой с веслом». Переводчица и впрямь как нельзя более походила на роль натурщицы для создания пресловутой парковой статуи... Как бы там ни было, но дело своё она знала – русским владела лучше, чем иные члены экипажа. С этого момента сержант Карьялайнен везде и всюду неизменно сопровождала Цветкова и его офицеров с целью устранения языкового барьера и обеспечения взаимопонимания, что ей прекрасно удавалось.

После того, как отгремели бравурные марши и отзвучали приветственные речи, финские морские офицеры посетили советский эсминец и не без зависти внимательнейшим образом его осмотрели. Что ж, интерес объясним – у них-то в распоряжении ни единого корабля такого уровня не было. Да и вообще, назвать ВМС Финляндии военным флотом у Цветкова просто язык не поворачивался. Два десятка минных заградителей и сторожевиков – это ж курам на смех!

Отчасти поэтому принимающая сторона, не имея возможности похвастать военно-морской мощью, ограничилась ответным приглашением русских моряков на базу отдельной Уусиманской бригады морской пехоты. Там, на полигоне бравые финские вояки продемонстрировали преодоление полосы препятствий, постановочный рукопашный бой и прочее в том же роде, а гости, отдавая дань традиции, терпеливо взирали на эту показуху. Ничего не поделаешь, у людей в погонах – неважно, из флотской или из армейской они среды, – издавна так принято.

Зато, с культурной программой финны не оплошали. Первая половина следующего дня была посвящён посещению Национального музея Финляндии и экскурсии по крепости Свеаборг. Вечером офицеров эсминца сводили на «Лебединое озеро» в Александровский театр... Словом, всё шло своим чередом: запланированные официальные мероприятия проводились в соответствии с планом. Время пролетело незаметно. Завершающим аккордом визита стал прощальный фуршет, устроенный принимающей стороной накануне отбытия «Степенного» в родные палестины. Актный зал Суомен пуолустусминистерие, то бишь здешнего министерства обороны, заполнило десятка три высокопоставленных офицеров всех мастей – присутствовали не только моряки, но и представители других видов вооружённых сил Финской республики. Разумеется, всё военнотружущие были в парадных мундирах. Многие пришли с разнаряженными жёнами.

Цветков и иже с ним – то есть четверо старших офицеров эсминца – в грязь лицом не ударили. Поблёскивая позолотой погон и ремней с подвешенным к ним кортиками, они явились в белоснежных парадно-выходных мундирах, само собой при орденах и медалях. Всё чин чинном! Правда, непривычные к подобным вечеринкам советские офицеры поначалу чувствовали себя скованно, но постепенно освоились. Созданию непринужденной атмосферы в небольшой степени способствовали напитки и закуски на столах в сочетании с лёгкой музыкой. Прозвучал обязательный в таких случаях тост за укрепление добрососедских отношений между Советским союзом и Финской республикой. Все выпили по бокалу шампанского. После этого собравшиеся были предоставлены сами себе: выпивали, закусывали, переговаривались.

Едва Василий Васильевич по совету сержанта Карьялайнен, которая, разумеется, неотступно сопровождала русских гостей и здесь, вознамерился попробовать знаменитый финский бутерброд с копчёной олениной, как краем глаза заметил, что к нему приближается высочен-

ный, под два метра ростом, морской офицер. Не финн, сразу определил Цветков по паре бросающихся в глаза отличий: китель темно-синий, а не чёрный; галунная нашивка на рукаве иная. По наружности типичный скандинав – вероятнее всего, швед, резонно предположил капитан второго ранга. Потому как Швеция в отличие от тех же Дании и Норвегии, в НАТО не входит, и присутствию представителя шведского военного флота на фуршете с участием русских моряков, с натяжкой, но можно найти объяснение. Только не очень понятно, с чего он на меня нацелился?

– Эрлогскаптен Гьёрн Торнквист! – подойдя вплотную к Цветкову, отрекомендовался офицер, пришёлкнув каблуками и резко кивнув головой.

Василий Васильевич в долгу не остался и представился в ответ, по-русски, естественно:

– Капитан второго ранга Цветков.

– Ду ю спик инглиш? – вежливо поинтересовался Торнквист.

Василий Васильевич отрицательно помотал головой – в английском, как, впрочем, и в других иностранных языках он был не в зуб ногой. Ну не сложилось у него с этим делом, что ж поделаешь! По молодости не до того было, а потом, после войны, вроде как, уже поздновато стало учиться. Так что, весь его запас иностранных слов сводился к набору международных морских терминов и нескольким фразам на немецком...

На лице офицера появилось озабоченное выражение. Тем не менее, он, не оставляя надежды добиться понимания, снова предпринял попытку хоть как-то объясниться, заговорив уже на своём родном языке:

– Фура арет ихэг Готланд... – настойчиво произнёс Торнквист так, будто хотел о чём-то напомнить своему визави, и, ткнув себя указательным пальцем в грудь, добавил: – Свенск ягарэ нумер эльва... Эльфтэ мит фартиг...

Цветков, разумеется, снова ничегошеньки не понял, но уже нашёл решение возникшей проблемы.

– Момент! – произнёс Василий Васильевич одно из немногих слов, понятных кому угодно и где угодно, и поискал глазами переводчицу.

Сержант Карьялайнен мило беседовала с какой-то дамой всего в паре метров от них.

– Кейсу! – негромко позвал её Цветков, а когда та оставила свою собеседницу и подошла, попросил: – Помогите, пожалуйста.

В отличие от него, сержант-переводчица и Торнквист сразу нашли общий язык, и определённо это был не финский.

– Его зовут Гьёрн Торнквист! – для начала сообщила Кейсу.

– Да я уж и сам догадался... – пробубнил Цветков, которому, честно говоря, неловко было за своё абсолютное невладение хоть каким-нибудь языком, кроме родного.

– Он – эрлогскаптен... По-вашему капитан третьего ранга Шведского королевского флота, – невозмутимо продолжила Карьялайнен.

Ты гляди-ка, не ошибся я, насчёт шведа, подумал Цветков и уважительно заменил, обращаясь к Кейсу:

– Вы, стало быть, и по-шведски говорите!

– Шведский у нас – второй государственный язык, – снисходительно пояснила та.

– Извините, не знал, – признался Цветков и поинтересовался: – А что офицер шведского флота делает в Финляндии?

Торнквист объяснил, что его корабль вчера зашёл в Упинниemi для устранения кое-каких мелких неисправностей, а сам он был приглашён сюда лично командующим ВМС Финляндии, как представитель дружественной державы.

– Понятно. – Снова кивнул Цветков.

Швед, воодушевлённый возможностью, донести-таки до русского то, что он намеревался сказать, разъяснил в чём дело.

– Господин Торнквист говорит, что узнал ваш корабль. Год назад, в начале июня, он уже видел его у острова Готланд. Вы тоже должны помнить шведский эсминец с бортовым номером «11». Эрлогскаптен им командует, – перевела Карьялайнен.

Выходит, это – тот самый «швед», имея в виду эсминец, сообразил командир «Степенного». Что ж делать-то? У меня приказ: ни с кем на эту тему ни полслова.

– Скажите господину Торнквисту, что он ошибся, – попытался откреститься от прошлогодних событий Цветков. – В начале июня прошлого года я действительно выходил в море, но у Готланда не был. Мой эсминец производил стрельбы много южнее... – сказал он, всем своим видом давая понять: эх, парень, и рад бы я потолковать с тобой про ту встречу, да не могу.

Кажется, швед понял его и принял правила игры.

– Бог мой, я действительно всё напутал! – при посредстве переводчицы, охотно признал свою ошибку Торнквист: – Конечно же, южнее. Я наблюдал издали. Вы прекрасно отстрелялись.

Ироничный взгляд шведа говорил красноречивее всяких слов. Похоже, мы с ним в одинаковом положении, у обоих руки связаны, предположил Цветков. Ну а как иначе! Если ничего не было, так ничего не было для всех: и для нас, и для них. Все участники должны помалкивать. А вдруг ему что-нибудь известно о дальнейшей судьбе той субмарины? Порасспросить бы, да как? Что ж, прибегнем к эзопову языку.

– Не уверен, что так уж прекрасно, – возразил Цветков. – Мне результат не известен.

– О, поверьте мне, стопроцентное попадание в цель! – Для большей убедительности швед сжал правую ладонь в кулак и поднял вверх больной палец.

– Говорите так, как будто вы сами обследовали мишень. – Усмехнулся Цветков.

– Нет, конечно. Мне настойчиво порекомендовали не проявлять излишнего любопытства. Тем более, что это целиком ваша заслуга, – Подыграл ему Торнквист, прибавив с нажимом. – Но мишень поражена и затонула. Не сомневайтесь. При желании это легко проверить.

Даже полунамёками они всё-таки сумели объясниться, и прекрасно друг друга поняли. Цветков поблагодарил сержанта Карьялайнен за помощь и отпустил восвояси. Едва ли она уразумела скрытый смысл этого странного диалога. Финка ушла, а швед взял салфетку и, написав на ней что-то молча протянул своему собеседнику, после чего откланялся. Сунув бумажку в карман, Василий Васильевич воровато осмотрелся – если замполит заметил, настучит непременно. Но Кудрявцев находился в другом конце зала – они со старпомом что-то оживлённо обсуждали. Удалившись в укромный уголок, подальше от посторонних глаз, Цветков развернул салфетку. «56°37.50'N 18°18.20'E», и больше ничего. По всей вероятности, это были координаты точки, где затонула та чёртова подлодка...

Утром хорошо просыпается только сахар мимо чашки

Пробуждение обернулось сущей пыткой. Едва Наташа открыла глаза, как на неё обрушилась масса, деликатно выражаясь, малоприятных ощущений. Ладно бы всё ограничилось только чудовищной слабостью во всём теле и сухостью а-ля Сахара во рту. Если бы! Голову словно стальным обручем сдавило, и в то же время изнутри толчками рвалась наружу колючая изнуряющая боль. В наивной надежде унять мучительную пульсацию в недрах черепной коробки, Наташа опять смежила веки. Не помогло.

Отвратительная штука – похмелье. Сомневаться в причинно-следственной связи между нынешним плачевным состоянием души и тела и вчерашним походом в ночной клуб, увы, не приходилось. Наташа попыталась восстановить хронологию событий. Часов в десять вечера они со Светкой приехали в «Лиловую медузу» и, устроившись в уютном уголке, начали с безобидного шампанского. Чуть позже перешли на мартини. За ним последовал, кажется, коньяк, а может водка... Ну, или наоборот. Потом пили текилу – это было последнее, что Наташа

отчётливо помнила. Дальнейшее окутывал непроглядный густой туман неопределённости, в котором, вне всякого сомнения, сгинуло немало любопытных подробностей.

Само собой, никто в неё вышеперечисленные алкоголесодержащие жидкости различной степени крепости насильно не вливал, но кто-то же должен нести груз ответственности за теперешние её мучения, и виновный, разумеется, нашёлся. Всё из-за Светки! Дело в том, что с неделю назад Наташе пришлось пережить процедуру расторжения брака. Не то чтобы, это её сильно огорчало – муженёк, теперь уже бывший, был тот ещё фрукт, и расставание с ним скорее стало благом, нежели, драмой. Её брак, над которым домокловым мечом повисла перспектива разрушения едва ли не сразу после его заключения, тем не менее продлился три года. Странный это был союз. Ни особых чувств, ни взаимных интересов. Ладно бы ещё расчёт какой-никакой присутствовал, так и его не было ни с той, ни с другой стороны. Словом, чёрт-те что, а не семья! Вот спроси, зачем выходила замуж, ответа не найдётся. Хорошо, что сдуру детей нарожать не удосужились. Однако, вот так запросто взять да и поставить на трёх годах своей жизни жирный крест, чтоб нигде, ничего не защемило, крайне сложно.

Разумеется, подобное случается сплошь и рядом с множеством мужчин и женщин – люди сперва женятся, потом, по прошествии какого-то времени понимают, что совершили ошибку, и разводятся. Вроде бы такого рода жизненные перипетии давно должны перекечевать в разряд обыденных явлений, и перестать быть чем-то из ряда вон выходящим. Но они по-прежнему выбивают из колеи даже крепкие закалённые в семейных дрызгах натуры, что уж говорить о Наташе – рафинированной двадцатичетырёхлетней девушке, воспитанной в лучших традициях российской интеллигенции.

Вполне естественно, что первые несколько дней после развода она пребывала в препаршивом настроении. Тогда, само собой из самых лучших побуждений, в процесс вмешалась Светка – подруга детства, юности, а теперь уже и зрелости. Не фигура киснуть! Было и прошло! Наплюй! Все мужики – козлы. Радуйся, что в твоей жизни одним козлом стало меньше. Тебе сейчас нужно развеяться, и наилучшее средство – напиться и забыться. Что, собственно говоря, вчера и было проделано: избавление от брачных уз отметили по полной программе... Как же голова болит! Господи, за что мне эта голгофа и утро стрелецкой казни в одном флаконе? – внутренне взмолилась она. Ну, зачем, спрашивается, было так напиваться?

Казалось бы, в столь разбитом состоянии человеку должно быть ни до чего, но что-то Наташу насторожило. Правда, насторожило как-то вяло, и, с учётом общей заторможенности безраздельно владевшей организмом, она долго не могла сообразить, что именно. Наконец, поняла: чёрное шёлковое постельное бельё. У неё такого отродясь не было. Следовательно, она не у себя дома. А где?

Для внесения ясности в этот вопрос, Наташа оторвала голову от подушки и осмотрелась. Вокруг было непривычно просторно: до белого бетонного потолка как минимум метров восемь, с трёх сторон необработанные кирпичные стены, с четвёртой некое подобие стены из стекла – правильнее сказать, окно во всю стену, какие обычно в промышленных зданиях бывают. Если бы не паркетный пол и явные признаки жилья, вроде мягкой мебели, расставленных там и сям однотипных торшеров, пары комодов, огромного телевизора в центре и длинной барной стойки, за которой, судя по купольной вытяжке с трубой, уходящей куда-то под самый потолок, была обустроена кухня, то помещение больше всего походило на какой-нибудь заводской цех. Стало быть, я нахожусь в каком-то лофте, решила она. Однако это мало что объясняло.

Наташа твёрдо придерживалась правила, просыпаться по утрам у себя дома, в своей постели, за исключением тех случаев, когда приходилось ночевать в гостиницах где-нибудь в другом городе или за границей. И то обстоятельство, что она оказалось не пойми где, и к тому же понятия не имеет, как сюда попала, побудил девушку к активности. Позабыв о терзавшей её

жуткой мигрени, Наташа проворно вскочила с чёрношёлкового ложа в намерении выяснить, куда её занесло.

Делать этого определённо не стоило. Едва она приняла вертикальное положение, в глазах потемнело, её повело куда-то в сторону и кабы не изукрашенная причудливым узором кованая спинка кровати, за которую Наташа в последний момент успела ухватиться, не устоять бы ей на ногах.

– Эй-эй-эй! Только без резких движений, мадам! – предостерегающе донеслось откуда-то сбоку.

Незнакомый мужской голос пробился сквозь уже окутавшую сознание серую пелену полузабытья, и, когда Наташа вот-вот готова была рухнуть в лучшем случае на кровать, в худшем – на пол, её бережно подхватили чьи-то сильные руки и уложили обратно на шёлк.

– Между прочим, мадмуазель, – бог его знает почему, пробормотала Наташа, которая совершенно не рассмотрела того, кто так своевременно пришёл ей на помощь – не до того было.

– Ладно, ладно, – Накрывая её одеялом, успокаивающе произнёс голос. – С социальным статусом позже разберёмся. А сейчас тебе надо живой воды испить.

Он куда-то ушёл, а Наташа, лёжа на спине, некоторое время наблюдала, как покачивается далёкий-предалёкий потолок. Незнакомец вернулся, приподнял её голову и, поднеся ко рту девушки стакан с чем-то шипящим и пузырящимся, велел:

– Пей! Это аспирин. Поможет или нет, не знаю, но хуже точно не будет.

Она покорно выпила.

– А теперь баиньки!

Наташа и не думала возражать...

Очнулась она ближе полудню – сквозь стеклянную стену видно было, что солнце почти в зените, и, следовательно, сейчас что-то около двенадцати. Чувствовала она себя значительно лучше. Вероятно поэтому в голову сразу полезли малоопозитивные мысли. Докатилась! – в порыве самобичевания обрушилась Наташа на себя любимую. Напилась в зюю. Утром обнаруживаю себя в постели у какого-то мужика. Хороша, нечего сказать! Вот уж точно, пьяная женщина с родни обронённому кошельку – всякий норовит подобрать. Хотя, кого тут винить? Никто меня не спаивал – сама надралась. Даже если между нами что-то и было, строить из себя жертву просто смешно. И потом, до секса вряд ли дошло, успокаивала она себя. Я, конечно, не очень одета, но бюстгальтер и трусики находятся тем, где им и полагается, то есть на мне. Сомнительно, чтобы кому-то взбрело в голову натянуть на девушку нижнее бельё, после того, как он ею воспользовался. И всё равно, уточнить не лишне было бы. Мало ли...

– Ну что, птичка? Ожила?

Наташа повернула голову на голос. Вполоборота к ней за барной стойкой стоял спортивного вида парень. Ну, как парень... Молодой мужчина лет тридцати в белой футболке. Высокий. Плечистый. В целом, вполне симпатичный. Вероятно, тот самый, кто давеча не дал ей мешком шмякнуться на пол. Судя по аппетитовозбуждающему запаху, он жарил яичницу с беконом на плите, которой Наташе с её ложа видно не было.

– Насчёт ожила, не уверена, – с сомнением произнесла она и поинтересовалась: – Давно мы на «ты»?

– Где-то с часу ночи, – прикинув, ответил он. – После того, как выпили на брудершафт и поцеловались.

Наташа смущённо кашлянула и, еле слышно пробормотала себе под нос:

– Надеюсь, что этим всё и ограничилось... – И, не то чтобы ей действительно хотелось это выяснить, а скорее, чтобы скрыть замешательство, уже громко спросила: – А при чём здесь птичка?

– Птичка-то? – переспросил парень, не отрываясь от приготовления истинно мужского завтрака. – Да, в общем-то, ни при чём. Мультфильм такой был. Может, видела? Там гриф предлагает страусу: эй, птичка, летим со мной, там столько вкусного...

Наташа никогда не относилась к поклонникам анимации, но, как ни странно, мультик, о котором шла речь, помнила. Прикольный такой.

– А ты, значит, – гриф? – спросила она. – И твоя стряпня – то самое вкусное?

– Вроде того, – согласился парень.

– Соответственно, я – страус... – мрачно подытожила Наташа и, приняв сидячее положение, грустно констатировала. – Что ж, очень может быть.

Она прислушалась к себе. Кажется, всё действительно не так уж плохо. Надо думать, благодаря воздействию аспирина, боль отступила, по крайней мере пока.

– Подозреваю, есть настоятельная необходимость нам познакомиться по второму разу, – снова подал голос парень из-за стойки.

– Это точно, – подтвердила Наташа.

– То, что тебя зовут Натали мне известно...

Наташу передёрнуло. Это я так себя преподнесла? – неподдельно удивилась она. Французский вариант своего имени она откровенно ненавидела, и в трезвом или, хотя бы, в относительно трезвом состоянии брякнуть такое едва ли смогла бы.

– А я – Иван, – просто отрекомендовался парень.

Наташа кивнула и попыталась озвучить давно чрезвычайно волновавший её вопрос:

– Мы тут ночью... Между нами...

Она запнулась, не зная, как бы поделикатнее выразиться, и в итоге пробормотала лишь маловразумительное:

– ...Ничего такого не было?

Иван отрицательно помотал головой.

– Абсолютно ничего, – уверил он её и, кивнув на постель, добавил: – Ты разделась и улеглась самостоятельно и в гордом одиночестве почивала там, а я спал вон на том диванчике.

Последовал кивок куда-то в направлении левого угла необъятного помещения.

– Да ты – истинный джентльмен! – недоверчиво-язвительно буркнула Наташа. – Не думала, что они где-то ещё сохранились.

– Нет. Происхождения мы самого что ни на есть рабоче-крестьянского, – не без язвы отреагировал Иван на комплимент, пояснив: – Просто по опыту знаю, что секс с сильно нетрезвой женщиной – удовольствие более чем сомнительное.

Во всяком случае честно, по достоинству оценила ответ Наташа и поинтересовалась:

– Зачем же тогда ты меня сюда приволок?

– Под занавес гулянки подруга твоя Светлана попросила меня о тебе позаботиться, типа, доставить домой. Сама села в такси и аривидерчи, а куда тебя транспортировать сказать забыла. Ты так вообще никакая была. Я от тебя ни бэ, ни мэ добиться не смог, вот и решил привезти тебя в свою избушку, не бросать же на произвол судьбы. Ещё вляпалась бы в какую-нибудь мерзкую историю... – как мог объяснил Иван причину, по которой Наташа очутилась у него в гостях, и предложил: – Подгребай поближе. Попытаемся восстановить тебя из руин.

Неплохо бы. Наташа встала с кровати. Пошарив по сторонам глазами и не обнаружив поблизости своей одежды, просто закуталась в одеяло, подошла к стойке и не без труда взгромоздилась на ближайшее барное кресло. На столешнице уже стояли плетёная корзиночка с нарезанным багетом и пара тарелок, снабжённых закусочными приборами. Иван покончил с готовкой и, выкладывая результат своего поварского труда из сковороды на тарелки, поинтересовался:

– Если не секрет, по какой такой причине вы с подружкой этой ночью так накушались?

Наташе очень захотелось выдать в ответ что-нибудь вроде: да всё из-за вас, мужиков! Тем более, что в определённой мере так оно и было. Но от намерения метнуть увесистый булыжник в огород всего противоположного пола в целом, она отказалась, резонно рассудив, что Иван тут совершенно ни при чём, и выплёскивать на него чужие помои не стоит. Он-то чем перед ней провинился? Совсем даже наоборот. Носится с ней, как хрустальной вазой. Не бросил на произвол судьбы в хлам упившуюся почти незнакомую девицу, чем избави её от многих потенциальных неприятностей. Привёз к себе, беспомощным положением барышни не воспользовался, да и вообще всячески заботится... Посему ответила она просто и честно, без язвительных словесных выкрутасов:

– Отмечали мой развод и возврат девичьей фамилии.

– Что ж, причина уважительная! – без тени издёвки и даже сочувственно сказал Иван.

– Вообще-то, я редко бываю в ночных клубах, и совсем почти не пью... —

пустилась, было, в объяснения Наташа, которой неловко было за себя вчерашнюю, но Иван прервал её на полуслове.

– Не казись. В жизни всякое случается. Слушай, а может тебя, для поправки здоровья чего-нибудь горячительного налить?

Реакция гостыи на подобное предложение была более чем однозначной: при упоминании о спиртном она скривилась и протестующе замахала руками. Иван настаивать не стал.

– Ну, как угодно. А вот плотный завтрак тебе точно необходим, – и, указав на тарелку, он по-простецки предложил: – Налетай, птичка! Да и я с тобой за компанию перекушу.

Предлагаемое к употреблению блюдо источало ни с чем не сравнимый аромат и было на удивление вкусным, хотя, не исключено, что Наташе только так показалось с голодухи, ведь, уже за полдень, а она со вчерашнего вечера почти ничего не ела, потому как куда больше уделяла внимания выпивке, нежели закуске. И вот теперь навёрстывала упущенное, с поистине волчьим аппетитом уплетая примитивную яичницу с беконом, от которой в обычной ситуации, воротила бы нос. Иван оказался прав – запоздалый завтрак пришёлся как нельзя кстати. А сваренный им чуть позже крепчайший термоядерный кофе стал прекрасным завершением трапезы и основательно взбудрил страдальицу.

– Просторная у тебя избушка, – вспомнив, как Иван иронично назвал своё жилище, сказала Наташа и вновь обвела взглядом просто-таки огромное с точки зрения среднего москвича помещение. – Тут квадратов двести, не меньше.

– Двести восемьдесят, – уточнил гостеприимный хозяин.

– Ты, что же, сторонник новомодных западных веяний? – спросила Наташа.

Лофт, как стиль и явление, действительно проник в Россию не так уж давно – может, лет десять-пятнадцать назад – и помаленьку стал приживаться, благо заброшенных производственных зданий в наших городах хватает. Кому-то такое жильё нравилось, кому-то – нет. Наташа, к примеру, предпочитала обычную городскую квартиру обычного жилого дома, но каждому своё.

– Ну, положим, этому веянию сто лет в обед, – возразил Иван. – Это до нас оно только-только докатилось. В штатах с тридцатых годов эту тему развивают в полный рост. Вложения копеечные, а отдачи в виде метража и простора для дизайнерской фантазии море. На любые причуды места хватит. Хочешь весь этаж в собственность – пожалуйста! Я так вообще дальше пошёл: прикупил по случаю у разорившегося завода аж цех целиком. А это два этажа, так между прочим! Внизу мастерскую оборудовал и склад, а здесь отдыхаю после трудов праведных. В общем, обустроил всё под себя и наслаждаюсь жизнью. Плохо ли иметь собственный двухэтажный особняк? Хоть и в промзоне, но в черте города.

– Выходит, ты – владелец заводов, газет, пароходов... – пробормотала Наташа, вспомнив бог весть почему всплывший в памяти стишок из детства.

Иван отрицательно помотал головой.

– Не угадала! – и пояснил: – Кузнец я.

Такой ответ её обескуражил. На ум сразу пришло давно ставшее крылатым «Зачем нам кузнец? Не-е, нам кузнец не нужен. Что я, лошадь, что ли?», но она воздержалась от проведения столь очевидных параллелей, спросив лишь:

– Ты серьёзно?

– Боле чем.

Наташа окинула его оценивающим взглядом. Откуда-то из глубин памяти всплыл образ кузнеца из русских сказок, навсегда запечатлевшийся в детской памяти: крупный дядька в кожаном фартуке, остриженный «под горшок» и непременно с окладистой бородищей. Ну, никак не стыковался сидевший напротив человек с этим типажом! Видимо, всё это отразилось на её лице, потому что Иван ухмыльнулся:

– Что, не веришь? Ладно. Накинь на себя что-нибудь и пойдём я тебе кое-что покажу! – предложил он, выбираясь из-за барной стойки.

Наташа, по-прежнему прикрытая лишь одеялом, стала беспомощно озираться по сторонам в поисках своей одежды.

– Шмотки ищешь? – спросил Иван и указал глазами направление. – Они в кресле, под покрывалом. Туфли, тоже где-то там.

Наташа нашла с его подачи свои вещи, натянула джинсы и блузку, встала на каблуки. Не обнаружив в пределах досягаемости зеркала, на ощупь привела в относительный порядок причёску, благо стрижка короткая, и буквально через пару минут готова была следовать куда-то, чтобы, как сказал Иван, посмотреть на обещанное кое-что. Он же, пока она одевалась, на скорую руку прибрался: отправил тарелки, чашки, вилки в кухонную раковину, протёр столешницу тряпкой и скомандовал:

– Пошли!

Они пересекли лофт по диагонали. Оказалось, что в самом дальнем правом углу имелась почти незаметная дверка, за которой начиналась винтовая лестница, ведущая вниз. Спуск много времени не занял. В отличие от облагороженного второго этажа, первый являл собой самый обыкновенный заводской цех, весьма условно разделённый сетчатыми перегородками на две части. Первая, меньшая и ближняя к лестнице, располагалась прямо напротив больших ворот, ведущих на улицу, и, по-видимому, использовалась в качестве гаража. Никакой машины там в данный момент не было, но места для неё было предостаточно. А ещё там стоял, поблёскивая хромированными деталями, чёрный мотоцикл. Кажется, это был пресловутый «Харлей-Девидсон». Впрочем, Наташа в нюансах не разбиралась, да и вообще к технике такого рода была более чем равнодушна.

– Твой? – лишь спросила она:

– Естественно, – проходя мимо и любовно огладив рукой кожаное сиденье, лаконично обронил Иван.

Вторая, большая, часть помещения была отведена под мастерскую. Центр её занимала массивная кузнечная печь. Рядом наковальня, рихтовочный стол с тисками и бак с водой для остужения заготовок. В левом углу большой ящик с углём. Вдоль стены тянулся ещё один металлический стол, на котором разложены были, кувалды, молотки поменьше, разнообразные клещи, зубила и множество ещё каких-то инструментов, предназначение которых Наташе было неизвестно. В правом углу покоилось нечто прикрытое брезентом – что именно непонятно, потому как оно было укрыто брезентом, – но куча образовалась внушительная. Надо же, действительно, кузня! Самая настоящая! Во всяком случае, так Наташа её себе и представляла.

– А почему здесь тихо, никого и печка не горит? – поинтересовалась она, впечатлённая увиденным.

– Печка называется горном, – снисходительно поправил её Иван. – Тихо и никого, потому что воскресенье. Это в будни здесь жизнь кипит, а суббота и воскресенье – выходные. Надо же

когда-то отдыхать. Ковка, знаешь ли, – очень тяжёлый физический труд. Серёга, молотобоец мой, – ты б его видела: под два метра, косая сажень в плечах! – и то к концу недели выдыхается. Мне в этом смысле полегче – пудовой кувалдой махать не приходится, молотом поменьше работаю, – и всё равно выматываюсь страшно.

Наташа обратила внимание на несколько выстроившихся вдоль стены довольно длинных полуметровой высоты ажурных решёток, которые, по всей видимости, вскоре должны были стать единым целым. Украшавший их искусно изготовленный, застывший в металле цветочный орнамент состоял из сочетания розеток и причудливо закрученных стеблей. Вне всякого сомнения, такое мог изготовить только настоящий мастер своего дела.

– Что это? – спросила Наташа.

– Могильная ограда, – спокойно ответил Иван. – Не доделал ещё.

Наташу такой ответ изумил.

– Могильная? – переспросила она.

– Ну, да. Что тут такого? Люди хотят отдать дань памяти и уважения своим близким, покинувшим этот мир. Уж эти-то цветы, – он кивнул на будущую ограду, – точно никогда не завянут.

Хорошо сказано, отметила про себя Наташа.

– И потом, я же не только ограды делаю, – добавил Иван. – Каминные решётки, ворота, лестничные перила, балконные ограждения, да что угодно. В последнее время появилось много ценителей художественнойковки. Само собой, каждый понимает красоту по-своему, но она должна быть во всём.

Вот уж с чем не поспоришь! – согласилась с ним Наташа, которая и сама имела к сотворению красоты, правда в совсем иной области, самое непосредственное отношение.

– А там что? – указав глазами в правый угол, полюбопытствовала Наташа.

Иван подошёл к заинтересовавшей её груди и откинул край брезента. Под водоотталкивающей парусиной были горой навалены доспехи, шлемы, щиты, мечи, наконечники копий... Вероятно, всем этим можно было бы экипировать отряд рыцарей человек в тридцать, никак не меньше.

– Заказ Военно-исторического общества. Боевая экипировка на полсотни человек, максимально приближенная к средневековым реалиям, – прокомментировал Иван, не без с гордости озирая дело рук своих. – В будущем году юбилей Невской битвы – семьсот восемьдесят лет. Историки собираются проводить масштабную реконструкцию сражения. Но, вообще-то, доспехи и оружие, – не моя тема. Просто не мог отказать этим чудикам-реконструкторам.

С учётом всего увиденного и сказанного Наташе не оставалось ничего другого, кроме как признать очевидное: он – и в самом деле кузнец. Какие тут ещё нужны доказательства?! И всё же...

– О чём призадумалась? – спросил Иван.

– Да вот пытаюсь сообразить... – с вялой усмешкой ответила Наташа, в то же самое время ощутив одинокий толчок подленько подкравшейся откуда-то снизу и ударившей в темя боли, – ...с каких пор кузнецам стало по карману скупать заводские цеха?

– Так, мы живём в стране чудес, – отшутился он. – У нас и не такое случается.

– Ну, да... Наверное... – пробормотала Наташа.

Очевидно, благотворное влияние ранее принятой дозы аспирина окончательно иссякло, и теперь уже каждое произнесённое слово отдавалось более чем неприятным ощущением в голове и отражалось мученической гримасой на побледневшем лице. Иван присмотрелся к ней с подозрением.

– Э-э, да тебя, похоже, снова накрывает, – сочувственно сказал он, после чего безапелляционно заявил: – Всё. Экскурсия закончена. Возвращаемся.

Не без труда поднявшись по крутой винтовой лестнице на второй этаж, потому как под конец пути вверх Наташу уже основательно штормило, она, едва добравшись до кровати, без сил рухнула на неё.

– Неслабо вы с подругой вчера накушались, вот и аукается, – бормотал Иван, хлопоча вокруг своей гостьи. Раздевать её он не стал, лишь стянул с ног туфли, и заботливо накрыл Наташу одеялом. Потом наполнил стакан водой, кинул туда целых две таблетки «байера» и протянул девушке целебное питьё. Та выпила.

– Ты пока полежи, – порекомендовал ей Иван. – Получится, вздремни. А попозже, как оклемаешься, я тебя домой отвезу.

– На мотоцикле? – Слабо улыбнулась она.

– Для такого случая у меня покомфортнее транспортное средство найдётся, – уверил её Иван. – Ты не разглажься, а отдыхай – сил набирайся.

Часов в семь вечера, после того, как Наташа второй раз за этот день «оживала», он, как и обещал, повёз её домой, на улицу Доватора. Под упомянутым транспортным средством покомфортнее имелся в виду ярко синий «ауди кью 7», который был припаркован снаружи. К слову, садясь в машину, Наташа успела заметить, что бывшая заводская территория была благоустроена и обихожена – клумбы, газоны, тротуарная плитка, – и уже успела превратиться в подобие городка. Таких, как Иван, здесь обосновалось немало. Два десятка некогда производственных зданий новые владельцы модернизировали и декорировали в соответствии с собственными вкусами. Расстарались кто во что горазд. Как водится, каждый реализовал исключительно своё представление о прекрасном, без оглядки на соседей, так что ни о каком архитектурном ансамбле речи не шло. Тем не менее, это довольно пёстрое скопление строений отталкивающего впечатления не производило. От высившихся вокруг панельных многоэтажек, типичных для окраинного спального района, бывшую промзону отделял высокий бетонный забор. В общем, государство в государстве.

С началом лета город как обычно заметно обезлюдел – отпуска начались. Машин стало меньше, кататься на здоровье. Так что, от резиденции Ивана в Вешняках до Хамовников, где жила Наташа, добрались быстро. По дороге даже толком поболтать не успели, разве что, обсудили плюсы и минусы Иванова «ауди» и Наташиного «мини купера». Вот и родной подъезд, а, значит, пора разбежаться.

– Приехали, – сообщил Иван, остановив машину.

Наташа поймала себя на мысли, что ей не хочется выходить из автомобиля. Он, по-видимому, тоже испытывал сожаление от того, что вот сейчас их случайное знакомство возьмёт, да и закончится ничем. Чтобы разрядить обстановку Иван порылся в карманах, вытащил и протянул ей визитку.

– Если понадобится хороший кузнец, звони, не стесняйся! – сказал он

Наташа взяла карточку и в отчет протянула свою. Потом раздумчиво произнесла, пожав плечами:

– Вряд ли мне могут понадобиться услуги кузнеца.

Но в глазах её Иван прочёл совсем иное. Ты мне нравишься, но я никогда, ни за что мужчине первой не позвоню. Ничего не могу с собой поделать — патриархальное воспитание. Пойми меня, сделай первый шаг... И кузнечных дел мастер не оплошал – оправдал Наташины надежды.

– А вот мне точно понадобится... – Он скосил глаза на её визитку и прочёл вслух: – ... модельер-конструктор, дизайнер женского нижнего белья Наталья Белова.

Читал на автомате, совершенно не вникая в смысл, поэтому не сразу сообразил, что в спешке ляпнул нечто более чем двусмысленное. А когда до него дошло, что насчёт дамского нижнего белья как-то не в кассу получилось, лишь издал сконфуженное «Упс!». Вид у него при этом был такой потешный, что Наташа заливисто рассмеялась...

Проскочившая между молодыми людьми искорка взаимного интереса даром не пропала. Иван, конечно же, позвонил, и закрутилось... Такое случается, когда в поле зрения изголодавшегося по ярким ощущениям человека попадает некто, вписывающийся в его представление о совершенном мужчине или женщине. Ну а если при этом срабатывает ещё и пресловутая «химия» – кто ж о ней в наше время не наслышан! – возникает влюблённость. На сколько дней, недель или месяцев её хватить совершенно непонятно, но, невзирая на полную неопределённость перспектив, особи обоих полов с упорством мотыльков мчатся на этот призывный огонёк, совершенно не заботясь о том, что имеют все шансы в очередной раз опалить крылышки. Но кого и когда это останавливало?! Редко кто в такой ситуации всерьёз станет задумываться, чем всё может закончиться. Так уж устроены люди! Потом будет потом, а их больше интересует то, что происходит сейчас. Впрочем, подобной сиюминутности есть резонное оправдание: жизнь коротка, а человек смертен, причём иногда смертен внезапно, как справедливо заметил один литературный герой.

Их роман развился стремительно. Два месяца промелькнули как день. Всё это время оба пребывали в состоянии гармонии и какого-то невероятного восторга. Наташа, что уж лукавить, как всякая нормальная женщина даже стала подумывать о чём-то большем, нежели романтические ужины и всё что к этому прилагалось. И совершенно неважно, что безжалостная реальность давно уже, вроде бы, расставила всё по своим местам. Наташе каким-то непостижимым образом всё же удалось сохранить в себе детско-юношеское прекрасноту и наивную веру в возможность идеальных отношений между мужчиной и женщиной. Тем более, что теперь всё было иначе, чем прежде, во всяком случае, ей очень хотелось в это верить.

Будучи в курсе происходящего, неугомонная Светка, которая искренне считала себя экспертом в любой области, попыталась не то чтобы приземлить Наташу, скорее всячески взывала к здравому смыслу:

– Влюбилась, ну и люби себе на здоровье, никто ж не мешает. Но голову-то включать не забывай! – наставляла Светлана подругу на путь истинный. – Ты же знаешь, Натуль, я тебе только добра желаю. Может, он и принц на белом коне – никто не спорит – но ты уже разок получила по лбу и снова норовишь наступить на те же грабли. Не форсируй события. Присмотришься к нему как следует, а там видно будет, – и неожиданно закончила притчей. – Как говорит мой папа, если хочешь выпить кружку пива, вовсе необязательно строить пивной завод.

Против таких прописных, в общем-то, истин трудновато что-либо возразить. Конечно же, Светка была совершенно права. Очень даже возможно, что вспыхнувшие чувства угаснут, причём, довольно быстро. Вспышка на то и вспышка, чтобы сверкнуть и потухнуть. С тем, что со временем на смену празднику почти наверняка придут серенькие будни, тоже не поспоришь. Да и принц легко может пересесть с белого коня на свой «харлей» и в один миг превратиться в заурядного закожаненого байкера, которому за счастье потусить с себе подобными под пивко, а всё прочее малоинтересно. Ведь и впрямь, всё возможно... Но увещевания были напрасны, ибо взывать к благоразумию влюблённую женщину – пустая трата времени. В таком состоянии, да чтоб не рисовать воздушные замки...

Чем больше она узнавала Ивана, тем более безупречным он ей казался: настоящий мужик, твёрдо стоящий на ногах, знающий себе цену, а ещё... истинный джентльмен, каким его представляла себе Наташа, хоть, сам Иван и всячески откешивался от мужского образа, порождённого викторианской эпохой в старой доброй Англии. Пожалуй, единственной выраженной его недостатком с натяжкой можно было считать находившую на него порой излишнюю словоохотливость – любил поговорить. Впрочем, считать это недостатком или достоинством – в значительной мере, вопрос вкуса. Но надо признать, рассказчиком он был отменным: неважно вещал ли о вещах серьёзных или рассказывал о чём-то комичном, выходило у него это здорово. Если уж он начинал живописать что-либо, картинка получалась настолько красочной и

убедительной, что Наташа неизменно ощущала себя непосредственной участницей описываемых событий.

– Ты – просто-таки птица-говорун! – как-то, в первые дни после знакомства, заявила она Ивану, заливаясь смехом после сочно, в лицах, описанной им курьёзной выходки знаменитого телеведущего в прямом эфире.

Иван ничуть не обиделся.

– Помолчи с моё, тоже болтать станешь без умолку и с удовольствием при каждом удобном случае.

– Где это ты, интересно, в молчанку наигрался? – полюбопытствовала Наташа.

Иван был краток.

– На Таймыре.

– На каком Таймыре? – Невольно вырвалось у Наташи.

Вышло глупо. Она, разумеется, имела представление о том, что есть такой полуостров, просто искренне не поняла, каким ветром туда могло занести Ивана.

– На том, который – самая северная материковая часть суши Евразийского континента. – Усмехнулся Иван. – Там, на берегу Енисейского залива, есть гидрометеорологическая полярная станция. Сопочная Карга называется. На сотни вёрст вокруг ни души. Я на ней два года проторчал безвылазно...

– А что ты там делал? – Всё ещё не улавливая связи между Иваном и названной точкой на карте России, спросила Наташа.

– Видишь ли, ещё в школьные годы я лелеял мечту, иметь собственную машину, – очень издавдалека начал он: – К семнадцатилетнему возрасту отцовскую «девятку» уже освоил от и до. Водил не хуже многих ездунгов со стажем. Отец поставил условие: получишь высшее образование, будет тебе автомобиль. Короче, заключили мы с родителем сделку, и поступил я в Тимирязевку... Уж на что баллов хватило! Вообще-то, мне было глубоко плевать на будущую специальность, но в агрономы или биотехнологи не стремился точно, поэтому выбрал наименьшее из зол: кафедру метеорологии и климатологии. Отучился и вышел из академии с дипломом специалиста в области мониторинга природной среды, анализа и прогноза состояния атмосферы, вод суши и Мирового океана... И на метеостанции я работал по специальности, – подытожил он.

– Ты там что, совсем один был? – сочувственно спросила Наташа.

– Почему один? Персонал станции: четыре человека, – возразил Иван, пояснив с ухмылкой: – А толку-то! То ли я не вписался в коллектив, то ли возрастная разница сказалась – мне-то двадцать два, а остальным два шага до пенсии... Не знаю... – Он пожал плечами. – Нет, отношения были ровные, без напрягов. Просто, общих тем для разговоров особо не находилось. Короче, как-то так сложилось: они сами по себе, и я тоже особняком... Так что, намолчался за два года во как! – Иван выразительно провёл ладонью поперёк головы.

Наташа представила себя на его месте, и ей даже немного взгрустнулось.

– Всё-таки, нет худа без добра! – в ностальгическом порыве с воодушевлением продолжил Иван. – Я этой добровольной двухгодичной ссылке даже благодарен. Работа у метеоролога специфическая. Не то чтобы не бей лежачего, но свободного времени навалом, а занять себя нечем. Из всех благ цивилизации одно электричество – дизельный генератор день-деньской тархтит. С межличностным общением, как я уже сказал, проблемы. До ближайшего кинотеатра триста километров. Телевизора нет, потому как сигнал не доходит. Не знаю, как сейчас, а в одиннадцатом году, когда я на Сопочную Каргу попал, интернет туда ещё не добрался. Зато, в моём распоряжении оказалась роскошное книгохранилище. Станция существует с тридцать девятого года. У опытных полярников принято, привозить с собой книги чуть ли не ящиками, а обратно, как правило, их никто не забирает. Я как-то взялся ревизовать эту доморощенную библиотеку, так насчитал больше семисот книжек. Уж поверь, те, кто на «полярках» годами

живут, знают толк в чтиве. Собрание получилось шикарное: от классики до беллетристики – выбирай что душе угодно. Вот я все два года и читал, читал, читал... Ума–разума набирался. Расширял кругозор. Короче, с пользой провёл время.

Надо сказать, Наташа с неподдельным интересом восприняла этот довольно любопытный фрагмент его автобиографии. Она была заинтригована. Тем более что, до этого практически ничего о прошлом Ивана не знала. Да, собственно говоря, и о нынешней жизни была осведомлена весьма скупо. Следовало это исправить.

– И каким же это чудесным образом метеоролог переквалифицировался в кузнеца? – колко спросила она, как бы подталкивая его к продолжению собственного жизнеописания.

– Так уж вышло! – Пожал плечами Иван.

Наташа проявила настойчивость.

– Так это как?

– Вот верно говорят, две вещи безграничны: вселенная и женское любопытство! – саркастически заметил он, но отвечать не отказался. – Это отдельная история. В общем-то, случайно всё вышло. Сразу после возвращения с северов, я был приглашён в Касимов на свадьбу – двоюродный брат, видишь ли, в Рязанской губернии себе невесту подыскал. Поселился я, чтобы родне не докучать, в мини-отеле «Кузнечный двор». Название не с потолка взялось. Хозяин заведения Олег Кременецкий оказался потомственным кузнецом, да к тому же ещё и фанатом своего дела. Часть территории отвёл под мастерскую художественной ковки. Чуть ли не всю мебель для номеров – кровати, люстры, стулья, вешалки, – он там же, в мастерской, собственноручно изготовил. Если кто из постояльцев интерес проявлял, Олег мастер-класс проводил... Свадьба свадьбой, но я в одном таком мероприятии тоже поучаствовал. Сделали мы... Ну как мы, он, конечно... Я так – на подхвате... Короче, сделали мы с ним кочергу. Тогда меня и проняло. Словно токомшибануло. Почувствовал: моё!

Даже сейчас при воспоминании о том дне глаза у Ивана загорелся азартный огонёк.

– Олег лет на десять меня старше, но в смысле общения парень простецкий – мы через полчаса после знакомства уже были на «ты». Возьми, говорю, меня в ученики или подмастерья, как это у вас называется. Он посмотрел на меня с таким хитрым прищуром, мол, что, зацепило? Коли не шутишь, говорит, возьму. Только имей в виду, это сказка долгая. Как у тебя со временем? А у меня за два года безвылазного сидения в Заполярье аж три отпускных месяца образовалось. Нормально, говорю, со временем, да и с деньгами – тоже. Могу себе позволить задержаться в Касимове, хоть, на всё лето. Ударили по рукам. Жил я в гостинице и вкалывал каждый божий день в кузне...

Иван прервался, посмотрел на свои ладони и несколько раз сжал и разжал кулаки.

– Поначалу до кровавых мозолей доходило, – сказал он. – Ничего. Пообвыкся. Олег был наставником хоть и жёстким, но толковым. Обучал с молотом управляться, гонял до седьмого пота, а сам по ходу вдалбливал мне: «Чтобы создать красоту, надо ее сначала увидеть. Так что, настоящий кузнец – в первую очередь художник». Через три месяца он меня порадовал, в том смысле, что «курс молодого бойца» в кузнечном ремесле я прошёл, необходимые навыки получил, а дальше – это уж моя забота. Сказал, если надумаю всерьёз заняться художественной ковкой, то не помешает ещё подучиться – обещал подсказать, к кому имеет смысл обратиться... Терять мне было нечего. К метеорологии я никогда особо тёплых чувств не питал, да и деньги не бог весть какие получал, так что цепляться за профессию не стал и решился осваивать новую, как говорится, всерьёз и надолго. Года полтора кочевал с места на место: Вологда, Владимир, Кострома, Муром... Набирался опыта у тамошних мастеров. Потом на несколько лет осел в «Кузнице на Клязьме». Это в подмосковном Пушкино. Нас там пятеро подвизалось – коллектив сложился дружный. Ну а в семнадцатом году, после того как этот цех приобрёл, я сразу же собственной кузней обзавёлся и ушёл на вольные хлеба. Такие вот дела! – закончил он.

История показалась Наташе правдивой, и одновременно сбивала толку. За то время, что они были вместе, она успела убедиться, что Иван и впрямь уделяет кузнечному делу массу времени. Когда Наташе случалось оставаться у него на ночь в будние дни, уже часиков в семь утра, пока она ещё нежилась в постели, Иван, стараясь не шуметь, быстро завтракал и спускался в кузню, где его поджидал добродушный здоровяк Серёжа, и начиналась работа. Несмотря на приличную звукоизоляцию, снизу нет-нет, да и доносился на второй этаж лязг железа, звон молота, уханье кувалды, и шипение остужаемого в бадье с водой раскалённого металла...

Но до этого разговора Наташа была уверена, что художественнаяковка для него – не более чем хобби, удовольствие, возможно, самореализация себя в творчестве, но уж никак не способ заработать на жизнь. Где же и как он «ковал» реальные, причём, судя по всему, немалые деньги, оставалось для неё загадкой. Однако, по словам Ивана выходило, что ничем иным он, в общем-то, не занимался. Как такое понимать? Не с неба же свалились деньги на покупку бывшего производственного здания, на обустройство лофта и мастерской, на дорогуший «ауди», наконец? Хорошо если просто наследство получил, а вдруг он связан с криминалом?

Впрочем, требовать ответов на эти вопросы здесь и немедленно Наташа не решилась. Её притормозила врождённая деликатность и опасение быть превратно понятой. Ну с чего бы ей, в самом деле, такими вещами интересоваться? Кому какое дело, откуда у человека деньги! Ещё, чего доброго, заподозрит меня в корыстном интересе, а это совсем не так. Нет уж, пусть всё идёт своим чередом...

Предложение

Незаметно подкрался август. Был вечер пятницы. Наташа, как обычно, приехала к Ивану в Вешняки на весь уикенд. Ужин при свечах. Пара бокалов хорошего вина. Приятное общение. В такие минуты только и понимаешь, что не так уж и много нужно человеку для счастья...

Огромное помещение погрузилось во мрак. Единственным весьма, впрочем, условным источником света оставалась лава-лампа. Они лежали, обнявшись, на огромной кровати и лениво наблюдали, как подсвеченные снизу, плавающие в глицерине парафиновые шары создают непередаваемый словами эффект сюрреалистического танца.

– Наташ, ты спишь? – негромко спросил Иван.

– Почти... – погружённая в состояние, близкое к тому, что принято называть глубокой релаксацией, апатично муркнула она.

– У тебя загранпаспорт действующий есть?

– Угу... – односложно подтвердила девушка.

– А открытой «шенгенки» там случайно нет? – продолжил донимать её вопросами Иван.

– Случайно есть, – пробормотала она, явно не желая выходить из состояния неги. – У меня мультивиза до ноября двадцать первого.

– А с работы дней на десять слинять можешь без ущерба для дела? – не унимался Иван.

– Запросто. Я – практически фрилансер, – откликнулась Наташа, чуть взбодрившись и понимая, что он не уgomонится, пока не выяснит всё, что ему нужно. – Дальше-то что?

Впрочем, это уже было чистой воды кокетством. Даже самая распоследняя дура и та уже догадалась бы, что с высокой степенью вероятности следующим шагом станет предложение совершить вояж в старушку Европу. Наташа душой не была ни в коем разе, просто женская натура брала своё.

Однако Иван не спешил раскрывать карты и продолжил выспрашивать:

– Ты как-то вскользь упомянула, что имеешь опыт погружения с аквалангом. Я ничего не путаю?

– Не путаешь. Кое-какой опыт есть, – скромно подтвердила Наташа, которая действительно несколько раз ездила в Шарм и там, на Красном море, прошла довольно серьёзный курс обучения.

А сама подумала: чем дальше, тем интереснее! Не иначе как ещё и дайвинг предполагается. Она принялась перебирать возможные варианты такого отдыха: либо Греция, либо Испания, либо Италия, ну, может, ещё Мальта. Неплохо бы, конечно, в Италию съездить...

– Это хорошо, – Одобрительно кивнул Иван и зачем-то принялся изъясняться витиеватым слогом былинного песнотворца Баяна: – Поведай ещё, свет Наташенька, не утай – ты раскрой мне тайну тайную! – а не случилось ли тебе, красной девице, да в пучину морскую метров этак на двадцать пять-тридцать хаживать?

Прозвучало забавно.

– С чего бы это тебя на старославянизмы пробило? – едва не расхохотавшись, поинтересовалась она.

– Ты на форму-то не отвлекайся. Ты по сути отвечай! – мягко, но настойчиво потребовал Иван, перейдя на речевые обороты более соответствующие современности.

– Стучалось и не однажды, – ответила она на ранее поставленный вопрос и, чтобы отвести всякие сомнения в своей компетентности на сей счёт, с законной гордостью отчиталась о своих немалых в этом деле достижениях: – У меня, к твоему сведению, сертификат Эй-Оу-Дабл Ю-Ди.

Человеку знающему данная аббревиатура говорила о многом. Иван, судя по реакции, был как раз из таких.

– О! Да ты у нас – продвинутый дайвер! – уважительно констатировал он. – Тем лучше.

– Ты, вообще, к чему этот допрос, на ночь глядя, устроил? – спросила Наташа, заранее, впрочем, предугадывая ответ и с нетерпением ожидая лишь конкретики, в смысле, страны.

– Хочу предложить тебе путешествие. – Не обманул её ожиданий Иван.

– Надеюсь, романтическое? – игриво поинтересовалась она.

– Не так чтобы совсем, – Безжалостно развеял он её иллюзии.

– Ну, хотя бы, увлекательное? – поинтересовалась намного разочарованная таким оборотом девушка.

– Как повезёт, – пожав плечами, ответил он всё с той же убийственно прямоотой.

– А куда? – Наташа вопросительно взглянула на своего бойфренда, лелея в душе надежду, услышать вожеленное «В Италию, разумеется!», но увы...

– В Германию. – Последовал ответ. – На остров Рюген.

Такого жестокого облома она не ожидала. Ей дважды довелось бывать в ФРГ: приезжала по делам сперва на неделю в Берлин, потом на несколько дней в Мюнхен. В целом, представление о стране сложилось не самое вдохновляющее, чтобы прийти в восторг от предложения съездить на какой-то там Рюген. Посему Наташа не смогла сдержать вздох разочарования.

– Я и сам не большой поклонник Дойчланда, – Солидаризовался с ней Иван, правильно оценив её реакцию, и поспешил обнадежить свою подругу: – Но скучно не будет точно. Обещаю.

– Почему именно в Германию? Не знаю, какой на Балтике дайвинг, – не бывала, – но есть гораздо более привлекательные варианты на Средиземном, скажем, море... – прозрачно намекнула она на южную Европу.

– Сожалею, но без вариантов, – возразил Иван. – Так уж сложилось... В двух словах не объяснишь.

– В чём проблема? Разве мы куда-то спешим? Объясни не в двух! – предложила Наташа, приняв сидячее положение, и откинулась на спинку кровати, как бы изъясняя готовность выслушать его аргументы.

Вообще говоря, она уже согласна была и на Германию. Пусть будет Рюген. Балтика так Балтика. В конце концов, август он везде август. Но выяснить, что там у Ивана сложилось или не сложилось, и почему без вариантов, всё же сочла не лишним.

– Ладно, слушай! – покорно согласился тот. – Дело было 6 июня 1957 года...

Далее Иван в подробностях поведал, что приключилось с эсминцем «Степennyй» шестьдесят два года тому назад. Не забыл упомянуть и том, что происходило годом позже в Хельсинки, где этот военный корабль побывал с дружественным визитом...

– Теперь главное! – закончив повествование о делах давно минувших, весело изрёк он. – Мне известно, где затонула та субмарина. Хочу её найти. Предлагаю тебе поучаствовать. Помоему, неплохая идея.

Да что уж там неплохая – отличная! – загораясь энтузиазмом, мысленно согласилась с ним Наташа. О чём-то подобном она ещё девчонкой мечтала. Ну, может, не мечтала, но не раз представляла себя участницей поисков затонувших кораблей... Подводная лодка ничем не хуже. Заманчиво! Очень заманчиво! Но, хочешь не хочешь, напрашивались вопросы.

– А ты не допускаешь мысли, что ту подводную лодку уже давным-давно кто-нибудь обнаружил? – немедленно озвучила она первый из них. – Насколько мне известно, Балтийское море большими глубинами похвастаться не может. Сам же говоришь о двадцати пяти метрах. Вполне мог кто-то невзначай наткнуться.

– Не исключено, конечно, – не стал спорить Иван, – но едва ли. Будь оно так, в интернет давно уже что-нибудь да просочилось бы, а там пока насчёт этого тишина.

Увесистый довод, мысленно согласилась с ним Наташа. Народ нынче на сенсации падок: о такой находке трезвонили бы на все лады и долго мусолили бы эту тему, вбрасывая версию за версией: кто, что и почему.

– И потом, как ты представляешь себе «невзначай наткнуться»? Шёл кораблик по морю, шёл, да и нашёл? – желчно поинтересовался Иван и тут же компетентно пояснил: – Нет, дорогая! Поисковые операции такого рода – дело трудоёмкое и весьма затратное. Проводят их, как правило, целенаправленно и при наличии достоверной первичной информации о затонувшем объекте и о районе поиска, что в данном случае практически исключено – в СССР тайны хранить умели. Тогдашнее коммунистическое руководство вообще повёрнуто было на совершенносекретности. Полагаю, и шведы не лыком шиты – небось, тоже приучены держать язык за зубами и...

– Стоп! – оборвала его Наташа на полуслове. – Если, как ты говоришь, ещё в пятьдесят седьмом, всё, что касалось того происшествия надёжно засекретили, откуда тебе об этом стало известно?

– Всё просто. – Ухмыльнулся Иван. – Цветков Василий Васильевич, командир того самого эсминца, приходится мне... Точнее, приходился, потому что скончался в двухтысячном году... – поправился он, подытожив: – В общем, прадед он мой по материнской линии! Незадолго до смерти сам мне о том случае рассказал. Что касается раскрытия государственных секретов... – Он пожал плечами. – Кому это теперь интересно? Столько лет прошло! Советского союза давно нет, и никто никому ничего не должен. Кстати, прадед мне для памяти ещё и свой дневник подарил с координатами места потопления, – для пушей убедительности прибавил Иван. – Если хочешь, могу показать.

– Давай! – немедленно ухватила Наташа за его предложение.

Часовая стрелка будильника, стоявшего на прикроватной тумбочке, уже давно перешагнула за час ночи. Наверное Иван успел пожалеть, что не ко времени затеял этот разговор: похоже, отход ко сну после трудовой недели откладывался... Кто ж мог знать, что дама сердца окажется столь любопытствующей и въедливой особой. Другая на её месте, получив приглашение прокатиться в Европу, давно кивнула бы, благодарно чмокнула в лобик и на боковую. Эта же скрупулёзно вникает во все мелочи. Но куда деваться! Назвался груздём – полезай...

– Тогда перемещайся за столик! – вставая с постели, скомандовал он. – Там сподручнее будет. Сейчас принесу дневник.

И с этими словами направился к пристенному стеллажу, который использовал в качестве книжного шкафа. Наташа накинула на плечи рубашку, переместилась на диван, стоявший возле журнального стола, и включила торшер. Через минуту Иван вернулся с обещанным дневником, который оказался обычной старой тетрадь в зелёной коленкоровой обложке.

– Сугубо личного касаться не станем, а по теме... – Он полистал дневник, отыскивая нужное место и найдя что искал, протянул тетрадку Наташе. – Вот здесь! Видишь дату «6.06.1957»? Читай ниже. А я пока кофейку сварганю.

Почерк у капитана второго ранга Цветкова был разборчивый, ровный, можно даже сказать, красивый. На предложенных её вниманию пожелтевших от времени страницах содержалось примерно то же, о чём поведал недавно Иван, с той лишь разницей, что рассказ правнука изобилдовал куда более выразительными подробностями, нежели первоисточник.

– Ну как? Прониклась доверием? – поинтересовался Иван, вернувшись с двумя чашечками свежесваренного кофе.

– В целом, убедительно.

– А я что говорил! – Он протянул ей чашку. – Как ты успела заметить, в дневнике прадеда чётко указаны координаты. Это недалеко от Готланда. Я поколдовал над картой. Определил район поиска. Глубины там незначительные – тридцать метров максимум. Дно, правда илистое, но при наличии соответствующего оборудования найти затонувшую субмарину вполне реально.

– Зачем тебе это? – простодушно спросила Наташа, которая искренне не понимала, чего ради тратить время, силы и наверняка немалые деньги на поиски какой-то потопленной шестьдесят с лишним лет назад подводной лодки.

– Да понимаешь... – Иван взъерошил волосы на затылке. – Я прадеду обещал, что если будет такая возможность, обязательно её найду и выясню, кто всё-таки тогда на дедов эсминец покусился... Сейчас такая возможность появилась, – и, как бы подводя итог, поинтересовался: – Как тебе моё предложение?

– Устраивает, – ответила Наташа.

– Ни на секунду не сомневался! – самодовольно ухмыльнулся он. – Билеты я уже заказал. Вылет послезавтра. Ну, вот вроде и всё.

– Всё ли? Я, Вань, хоть и блондинка, но не совсем, – с многозначительным видом промолвила Наташа.

– В каком смысле? – Пригубив кофе, спросил сбитый с толку Иван, который как раз не сомневался, что она именно натуральная блондинка и есть.

– В смысле, не совсем дура, – пояснила она. – С бухты-баряхты такие вещи не делаются. Ты, ведь, наверняка, не один месяц готовился. Ведь, так?

– Так, – согласился он.

– Когда я спросила, насчёт того романтическое ли предстоит путешествие, ты сказал, не совсем.

– И что?

В его глазах читался неподдельный интерес.

– Да то, что в подобные авантюры в одиночку не пускаются. Значит участвует кто-то ещё. А в присутствии посторонних какая уж романтика! Верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.